

ЗАПРЕТНЫЙ ПЛОД

АДИЯ

Папа говорит, что после полуночи случается только нехорошее, но мне лучше знать.

Я задерживаю дыхание, приоткрываю входную дверь, радуюсь, что она не закрипела, и наслаждаюсь вечерним ветерком, касающимся кожи. В этот поздний час у него отчетливый запах — острая смесь ароматов озона и сосны. Я оглядываюсь через плечо. В соседней комнате родители почти уснули: мама тихонько посапывает, папа громко храпит. Их легко представить — два коричневых тела, прижавшихся друг к другу под потрепанным одеялом, оба уставшие после того, как трудились весь день, собирая урожай на поле. Я не хочу их будить. Быть может, в своих спокойных снах они видят дочь другой — ответственной девушкой, а не беглянкой, ускользающей из дома. Иногда мне хочется, чтобы я и *правда* была этой ответственной девушкой. Я медлю еще немного, а затем выхожу в объятия ночи.

Снаружи не холодно и не жарко, тяжелые серые тучи над головой предвещают сезон дождей, но Лкосса по-прежнему купается в серебристом лунном свете — и этого для меня более чем достаточно. Я пробираюсь по пустынным дорогам, перебегая между пятнами света от уличных факелов, и молюсь, чтобы не встретить патруль Сынов Ше-

сти. Вряд ли у меня будут проблемы, если я попадусь этим посвященным воинам нашего города, но они почти наверняка заставят меня вернуться назад, а этого я не хочу. Это редкое удовольствие — гулять здесь, не слыша шепота, следующего за мной по пятам. И есть еще одна причина, по которой я не хочу возвращаться домой: меня ждет Дакари.

Пробираясь на север, я замечаю, что город повсюду украшен новыми знаменами. Они оплетены зелеными, синими и золотыми шнурами: зеленый обозначает землю, синий — море, а золотой — богов. Некоторые из них болтаются на бельевых веревках, тонкие и почти протертые, другие криво прибиты к дверям скромных построек из глиняного кирпича, не слишком отличающихся от той, где живу я. Это приятная традиция. Через несколько часов, как только солнце взойдет снова, граждане соберутся, чтобы узреть Связывание — священный день, когда мы прославляем нашу связь с богами этой земли. Торговцы будут предлагать с лотков амулеты для благочестивых граждан и раздавать детям мешочки риса, который нужно будет разбрасывать. Недавно назначенный Кухани будет предлагать храмовые благословения, а музыканты заполнят улицы нестройной симфонией. Зная маму, думаю, она пожарит сладкий картофель, сбрызнет его медом и присыплет корицей — как всегда по особым случаям. Папа, наверное, удивит ее маленьким подарком, на который он копил, а она наверняка скажет ему, что не стоило. Я игнорирую легкий укол в груди, который ощущаю, когда думаю о Тао — заглянет ли он к нам в гости, как обычно делает по праздникам? Не уверена, появится ли он на этот раз: в последнее время мы с ним не разговаривали.

Город уже погружается во тьму, когда я достигаю его границы — земляной полосы шириной в несколько метров, которая отделяет Акоссу от первой из громадных черных сосен Великих джунглей. Кажется, будто деревья наблюдают за моим приближением с извечным вниманием, невозмутит-

мые, как и богиня, которая, по слухам, обитает среди них. Не каждый рискнет отправиться сюда — некоторые считают, что в джунглях небезопасно, — но я не против рискнуть. Я в предвкушении осматриваю открытое пространство вокруг и чувствую разочарование, когда понимаю, что одна. Дакари сказал встретиться с ним на этом самом месте после полуночи, но его здесь нет. Может, он опаздывает, может, решил не...

— Певчая птичка.

Сердце сбивается с ритма, когда я слышу знакомое прозвище, и лицо заливает жар, несмотря на вечернюю прохладу. Человеческая фигура отделяется от одной из ближайших сосен и выходит на более освещенный участок.

Дакари.

Трудно различить в ночи все детали, но воображение прекрасно заполняет пробелы. Половина лица, озаренная лунным светом, четко очерченная челюсть, покатые широкие плечи. Он выше меня, строен и худощав, как бегун. Его золотисто-коричневая кожа на несколько тонов светлей моей, а волосы, черные как вороново крыло, выстрижены по бокам головы, но оставлены на макушке. Он выглядит как бог, и, судя по насмешливой улыбке, он это понимает.

За несколько уверенных шагов он преодолевает расстояние между нами, и воздух вокруг меня тут же заполняется его запахом: сталь, грязь и кожа — он подмастерье из кузнечного района Кугуши. Он окидывает меня взглядом — и он явно впечатлен.

— Ты пришла.

— Разумеется. — Я стараюсь, чтобы голос звучал ослабленно. — Мы договорились сразу после полуночи, так ведь?

— Так. — Его усмешка звучит тихо, почти мелодично. — Так ты готова увидеть сюрприз?

— Шутишь? — Мой смех звучит как эхо его собственного. — Я ждала этого весь день. Лучше бы это того стоило.

— О, оно того *стоит*. — Внезапно его лицо становится серьезнее. — А теперь *пообещай* мне держать это в тайне. Я никогда не показывал никому больше.

Это меня удивляет. Дакари, в конце концов, привлекателен и популярен, у него полно друзей. И подруг тоже.

— Хочешь сказать, вообще никому?

— Нет, — тихо отвечает он. — Это и правда мне дорого, и... думаю, я просто никогда никому по-настоящему не доверял.

Я тут же выпрямляюсь, надеясь, что так буду выглядеть старше, как девушка, которой *можно* доверять.

— Я никому не скажу, — шепчу я. — Обещаю.

— Хорошо. — Дакари подмигивает, обводя рукой пространство вокруг. — Тогда не будем откладывать. Вот оно!

Немного подождав, я растерянно хмурюсь. Руки Дакари вытянуты, будто он вот-вот взлетит, на его лице застыло торжество. Ему явно нравится то, что он видит, но я не вижу вообще ничего.

— Ну... — Через несколько неловких секунд я осмеливаюсь нарушить тишину: — Извини, я что-то пропустила?

Дакари смотрит на меня, в его глазах пляшет восторг.

— Хочешь сказать, ты не чувствуешь, как сияние окружает нас?

Когда слова срываются с его губ, я чувствую гул где-то глубоко внутри. Словно кто-то тронул струну *кóры*¹ и ее звук отдается во всем теле. И тогда я, конечно, понимаю: чужаки называют это *магией*, а мой народ — *сиянием*. Я не вижу его, но чувствую — вдоволь, — оно движется под землей, будто волны, разбегающиеся по пруду. Здесь его намного больше, чем я когда-либо ощущала,

¹ Кóра — струнный щипковый музыкальный инструмент с 21 струной, распространенный в Западной Африке. По строению и звуку кора близка к лютне и арфе. (*Прим. ред.*)

тренируясь с другими дараджами на площадке перед храмом.

— Как?.. — Я боюсь даже пошевелиться, чтобы не разрушить это странное чудо. — Как получилось, что здесь его *так* много?

— Это редкое природное явление случается раз в столетие. — Глаза Дакари закрыты, будто он с наслаждением вкушает запретный плод. — Вот почему день Связывания такой особенный, Певчая птичка.

Я потрясенно осматриваюсь.

— Я думала, Связывание — это просто символ, день, когда мы почитаем...

Дакари качает головой:

— Это не просто символический день. Через несколько часов неизмеримое количество сияния поднимется к поверхности земли. Мы сможем увидеть эту величественную силу, хотя сомневаюсь, что большинство людей способно почувствовать ее так, как *ты*. — Он бросает на меня хитрый понимающий взгляд. — В конце концов, мало кто из дарадж одарен так, как ты.

Что-то приятно шевелится внутри в ответ на этот комплимент. Дакари не такой, как большинство жителей Лкоссы. Он не боится меня и моего дара. Его не пугает то, на что я способна.

— Закрой глаза. — Слова Дакари звучат не столько как приказ, сколько как приглашение. — Давай попробуй.

Следуя его просьбе, я закрываю глаза. Босые пальцы ног шевелятся, и сияние откликается, словно оно только и ждало, когда я сделаю первый шаг. Оно покалывает, протекая сквозь меня, наполняя меня, будто в чашку из черного фарфора наливают крепкий чай из медового куста. Оно *божественно*.

— Певчая птичка. — В этой новой тьме голос Дакари едва различим, но я слышу в нем эмоции — слышу *желание*. — Открой глаза.

Я открываю глаза, и у меня перехватывает дыхание.

Частицы сияния проявились в воздухе вокруг нас и плавают вокруг, искрясь, как алмазная пыль. Я ощущаю, как миллионы огоньков пульсируют в воздухе, и на мгновение их общее сердцебиение сливается с моим, и я чувствую отчетливую связь с ними. Красная земля словно уходит из-под ног по мере того, как все больше частиц поднимается в воздух, танцуя рядом со мной, проникая до костей. Поток их энергии пронзает меня с ног до головы, одурманивает. Мне тут же хочется еще больше. Рядом что-то щекочет ухо. Дакари. Я и не заметила, что он придвинулся ближе. Когда он наклоняется и касается рукой моей спины, я едва сдерживаю дрожь.

— Представь, что бы ты смогла совершить с его помощью. — Его теплые пальцы переплетаются с моими, его мягкие губы касаются моей щеки. Я думаю о них, о том, как они близки к моим, и забываю, как дышать. — Представь, что бы ты могла *показать* людям, обладая такой силой. Ты могла бы показать всем, *что сияние не опасно* — что его просто не понимают. Ты могла бы доказать им, что они неправы во всем — и в своем мнении о тебе тоже.

«*Ты можешь доказать им, что они неправы*», — слотнув, мысленно повторяю я. Воспоминания обрушиваются на меня — служители храма и их упреки, дети, которые разбегаются, увидев меня, взрослые, которые сплетничают за спиной. Я думаю о маме и папе, о том, как они лежат дома в постели, почти заснув. Родители любят меня, я знаю, но даже они перешептываются друг с другом, когда думают, что я не слышу. Все боятся меня и того, на что я способна, но Дакари... Он не боится. Он всегда верил в меня. Он первый человек, который по-настоящему увидел меня. В его глазах я не девочка, которую нужно отчитывать, а женщина, которую следует уважать. Он понимает меня, он *знает* меня, он любит меня.

А я люблю его.

Сияние перед нами теперь обрело более четкую форму — оно превратилось в колонну бело-золотого света, которая

будто поднимается выше неба. Я могла бы дотронуться до нее, всего лишь протянув руку. Я уже начинаю движение, но тут...

— Адия!

Покой нарушает новый голос — полный страха, — и я отвожу взгляд от сияния. Рука Дакари крепче сжимает мою, но я высвобождаю пальцы и осматриваю поляну перед нами. Наконец я замечаю худого мальчишку в грязной тунике. Его короткие дреды спутаны после сна, он стоит в нескольких метрах от нас, спиной к городу, согнув колени, будто только что бежал. Я не видела, как он появился, и не знаю, как долго он уже здесь. Его глаза широко распахнуты от ужаса. Он знает меня, а я знаю его.

Тао.

— Адия. — Лучший друг не называет меня Певчей птичкой — он использует мое настоящее имя. Его голос звучит хрипло, отчаянно. — Пожалуйста, не касайся его. Это... это опасно.

Тао тоже любит меня, и в каком-то смысле это взаимно. Он умный, веселый и добрый. Всю жизнь он был мне как брат. Мне неприятно причинять ему боль. Мне неприятно, что мы с ним уже некоторое время не разговариваем.

— Я... — Что-то сдавливает мне горло, и слова Тао отдаются эхом в пространстве между нами. *Опасно*. Он не хочет, чтобы я прикасалась к сиянию, потому что считает его *опасным*. Он думает, что я *опасна* — так же, как и остальные. Но он не понимает, не знает. Дакари ничего не сказал, но *его* голос заполняет мое сознание.

Ты можешь доказать им, что они неправы.

Я понимаю, что могу, — и докажу.

— Прости.

Слова вырываются на волю, но внезапно их поглощает рев сияния. Колонна становится больше и громче, она заглушает ответ Тао. Я вижу, как сияние подсвечивает его лицо, слезы на щеках, и пытаюсь приглушить боль в гру-

ди. Мой друг знает, что я сделала выбор. Возможно, сейчас это уже не важно, но я надеюсь, что однажды он простит меня.

Я снова закрываю глаза, когда пальцы касаются ближайших частиц сияния. На этот раз, отвечая на прикосновение, они охотно, стремительно скользят по венам. Когда они поглощают меня, мои глаза широко открываются, это настолько потрясающе и восхитительно, что я едва осознаю боль, — а потом становится уже слишком поздно.

ЧАСТЬ I

ЕСЛИ

ЛЕВ

РЫЧИТ,

ОН

НЕ НАБРОСИТСЯ